

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС И ПОЛИТИКА США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

© 2014 г. **А.И. Шумилин***

Институт США и Канады РАН, Москва

В статье выделяются новые тенденции, определяющие военно-политическую ситуацию, складывающуюся на Ближнем Востоке под воздействием сирийского кризиса, а также анализируется подход администрации Барака Обамы к проблеме Сирии и Ирана.

Ключевые слова: *Сирия, Иран, арабские монархии, повстанцы, Хизбалла, администрация Обамы, новые тенденции, химическое оружие, Женева-2*

Продолжающийся кризис в Сирии и последствия феномена «арабской весны» в целом оказывают существенное воздействие на систему военно-политических отношений, сложившуюся за последние десятилетия на Ближнем Востоке. Всё отчетливее ощущается доминирование ряда новых тенденций, которые способны частично трансформировать упомянутую систему отношений, привести к возникновению неформальных альянсов стран, что чревато непредсказуемыми последствиями для стратегического расклада в регионе. Одним из ярких проявлений такого развития событий стали выплеснувшиеся в публичное пространство разногласия между Саудовской Аравией и Соединёнными Штатами, после отказа администрации Обамы нанести удары возмездия по объектам сирийской армии в связи с применением химоружия 21 августа. Другой эпизод, укладывающийся в рамки этой же тенденции – выступление на Генассамблее ООН премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, заявившего о готовности его страны в одиночку (без участия США) осуществить серию ударов по объектам в Иране с целью нанести ущерб военной ядерной программе этой страны. На неофициальном уровне эта позиция Израиля находит поддержку в правящих элитах арабских монархий Персидского залива. Как минимум общим в подходах Израиля и арабских монархий становится публичная критика Вашингтона (администрации Обамы) за проявление слабости, нерешительности и непоследовательности в сирийском кризисе, что создаёт, с их точки зрения, «опасный прецедент», который может оказать негативное влияние на решение проблемы Ирана, гораздо более значимой для них.

В целом на данный момент можно констатировать следующие новые тенденции (в порядке военно-политической значимости):

* ШУМИЛИН Александр Иванович – доктор политических наук, руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов ИСКРАН. E-mail: Mideast@mail.ru

1. Существенное *повышение напряжённости по линии противостояния «сунниты – шииты»* в целом, что отчётливо проявляется в кристаллизации двух враждующих региональных альянсов – большинства арабских государств с «ядром» в виде блока арабских нефтяных монархий, с одной стороны, и Ирана с его сателлитами в виде организации «Хизбалла» в Ливане, режим Асада в Сирии и частично Ирак (с преобладающим в его истеблишменте шиитами) – с другой.

2. Заметное *ослабление традиционной линии напряжения на арабо-израильском и палестино-израильском направлениях*.

3. *Усиление разногласий между Соединёнными Штатами и их основными стратегическими союзниками в регионе* (главным образом в отношениях с Египтом, арабскими нефтяными монархиями, Израилем).

4. *Ослабление влияния внешних факторов* (за пределами зоны сирийского конфликта), в частности, Евросоюза, России и Китая.

Указанные тенденции находятся в динамической причинно-следственной взаимосвязи. Сирийский кризис стал их мощным катализатором: именно в этой конфликтной точке они проявляются предельно отчётливо. Вкратце остановимся на анализе каждой из них, чтобы попытаться понять возможные последствия происходящего.

Повышение напряжённости по линии противостояния «сунниты – шииты»

Противостояние постепенно нарастало на протяжении, как минимум, последних трёх десятилетий, но с началом событий «арабской весны» процесс *резко ускорился*. Это связано с попытками Тегерана воспользоваться открывавшимися в результате политической турбулентности возможностями усилить своё влияние в ряде арабских стран, равно как и «уравновесить» наращивание влияния там суннитских «грандов» – Саудовской Аравии, Катар, ОАЭ. Так, соответствующие структуры Ирана (прежде всего подразделение «Аль-Кудс», региональный филиал Корпуса стражей исламской революции) резко активизировали свои военно-политические усилия в шиитских общинах Бахрейна, Сирии, Ливана и Йемена. На Бахрейне иранское руководство впервые использовало подразделения базирующейся в Ливане группировки «Хизбалла» путём маскировки и передислокации её бойцов в это островное государство. Такие действия вызвали резкую реакцию Саудовской Аравии и других стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ): они ввели ограниченный полицейский контингент в столицу Бахрейна. В Египте Иран задействовал главным образом механизм информационного влияния. В результате решение задачи по стабилизации ситуации в этих странах для суннитских «грандов» и США, помимо поисков политических механизмов разрешения внутренних противоречий во многом сводилось к пресечению присутствия и влияния указанных структур Ирана. Апогеем противостояния суннитских стран и Ирана стал сирийский кризис. В середине сентября 2013 г. монархии приступили к разработке санкций в отношении «Хизбаллы» в Ливане, где при поддержке Саудовской Аравии в конце 1980-х годов

в контексте примирения сторон в гражданской войне эта организация была легализована и допущена к политической деятельности. По примеру того, как «борьба за Асада» в Сирии между суннитами и Ираном подогревает внутрисирийский конфликт, «борьба за "Хизбаллу"» также несёт в себе угрозу разрастания внутриливанского противостояния с вероятной перспективой секторального – суннитско-шиитского – взрыва в виде гражданской войны.

С учётом вышеизложенного можно ожидать, что суннитские «гранды» будут и дальше наращивать усилия *по минимизации иранского влияния в пределах стран своего традиционного ареала* – Сирии, Ливана, Ирака, Палестины, Египта, Йемена, Бахрейна и Кувейта. Это означает, что важнейшим условием предоставления финансовой помощи Египту и Палестине станут обязательства их правительств противодействовать влиянию Ирана на их территории, а в случаях с другими из перечисленных арабских стран суннитские «гранды» могут предпринимать усилия по созданию специальных военно-политических механизмов для сдерживания Ирана (от прямой военно-полицейской интервенции, как на Бахрейне в 2011 г., до разработки региональных санкционных режимов в отношении шиитских группировок, как в отношении «Хизбаллы» в Ливане). С этой целью суннитские «гранды» *будут искать понимание и поддержку своих усилий по сдерживанию Ирана на международной арене*, прежде всего среди крупных держав, а также постоянных членов Совета Безопасности ООН. Следует отметить, что для этого, они *попытаются включить рыночно-финансовые механизмы* как достаточно эффективный инструмент своего влияния (предложения кредитов, займов, а также возможностей своих рынков для импорта продукции из определённых стран). Признаки реализации такой стратегии проявляются в контексте недавних визитов в Москву членов правящих семейств Саудовской Аравии и ОАЭ [1].

Ослабление напряжения на арабо-израильском и палестино-израильском направлениях

Эту тенденцию можно рассматривать как прямое следствие усиления суннитско-шиитского противостояния. Дело не только в происходящем смещении фокуса внимания суннитских «грандов» с «израильской угрозы» на «угрозу иранскую». Скорее это результат осознания того, что угроза, исходящая от экспансионистской политики Ирана, намного более существенна, поскольку Тегеран не только создаёт мощный силовой блок в регионе, противостоящий суннитам, но ещё и потому, что этот центр силы практически не подвержен влиянию (модерации) со стороны США и Евросоюза, привычных стратегических партнёров суннитских монархий. Поясним, что в случае возникновения проблем с Израилем монархии за посредническими услугами, как правило, обращались к США и получали их сполна.

Другой важный аспект иранской угрозы состоит в том, что, в отличие от Израиля, Тегеран *располагает инструментами воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию ряда арабских государств*, действуя там через шиитские общины. Примером может служить не только яркая в этом отношении картина происходящего на Бахрейне – возможный масштабный взрыв простимулиро-

ванного Тегераном недовольства шиитской общины в Саудовской Аравии рассматривается Эр-Риядом как самая реальная угроза стабильности королевства. Член правящей королевской семьи Саудовской Аравии, бывший руководитель разведки королевства и посол в Вашингтоне принц Турки аль-Фейсал так объяснил действия монархий в Бахрейне: «Королевство никогда не допустит, чтобы Иран захватил власть на Бахрейне. Это из области фантазий для людей на Западе полагать, что подобное может произойти на глазах у Саудовской Аравии» [12].

Важным фактором в рассматриваемом аспекте ближневосточной ситуации стало и поведение в последние годы руководства палестинской группировки ХАМАС, контролирующей сектор Газа и противостоящей группе Махмуда Аббаса на Западном берегу реки Иордана, которая нацелена на мирное соглашение с Израилем. Напомним, что на протяжении ряда лет, предшествовавших «арабской весне», хамасовцы открыто переориентировались с арабских монархий на Иран и стали получать оттуда военную и финансовую помощь. Эта тенденция нарушилась вследствие победы в Египте «Братьев-мусульман», но после их изгнания из властных структур в Каире (июль 2013 г.) руководство ХАМАС в своей внешнеполитической ориентации вновь начало проявлять признаки колебания между арабскими монархиями и Тегераном. Принятию внятного решения в этом плане, судя по всему, препятствует вовлеченность ХАМАС в кризис на стороне сирийской оппозиции, пытающейся свергнуть режим Башара Асада.

Ещё один фактор – заявленная в середине сентября более определённая, чем раньше, позиция руководства Израиля по сирийскому кризису, согласно которой сохранение Асада у власти в Сирии рассматривается как «большее зло», чем приход к власти в Дамаске оппозиционных повстанцев [3]. Это работает на сближение Израиля и арабских нефтяных монархий.

Следует ожидать, что хотя бы в краткосрочной перспективе нефтяные монархии и другие арабские страны *намерены минимизировать проявления традиционной враждебности к Израилю*, что отчётливо проявляется в изменении риторики, а также в сокращении антиизраильских пунктов в повестках дня межарабских организаций – Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и Лиги арабских государств; расширяется сеть торговых миссий и консульских учреждений Израиля в столицах арабских монархий Залива. Вполне вероятно, что будет и дальше нарастать тенденция к *расширению неформального взаимодействия Израиля с суннитскими странами*, как это происходит сегодня по вопросам сирийского кризиса (раненые в Сирии повстанцы прибывают на лечение в израильские госпитали), а также в связи с разработкой планов нанесения возможного удара по объектам в Иране.

Усиление разногласий между США и их основными арабскими партнёрами

В данном случае речь идёт не столько о существенных разногласиях, сколько о выражении рядом арабских партнёров *недовольства и разочарования политикой Соединённых Штатов по отношению к основным конфликтным*

ситуациям. Так, лидеры арабских нефтяных монархий недовольны сдержанностью и нерешительностью Вашингтона в подходе к сирийскому кризису и пытаются подтолкнуть его к более активным действиям по оказанию международной поддержки и помощи оппозиции режиму Башара Асада [4]. Заметна напряженность в отношениях между США и новыми властями в Египте, свергнувшими президента Мухаммеда Мурси. Администрация Обамы медлила с признанием правомерности свержения Мурси и законности новой временной власти, ставя под сомнение обоснованность жестких мер в отношении исламистской оппозиции. На фоне роста популярности в стране генерала Мухаммеда ас-Сиси Вашингтон настаивал на скорейшем возвращении к гражданскому правлению. Судя по всему, элиты арабских монархий особенно разочаровало промедление с выполнением Обамой угроз нанесения ударов возмездия по объектам сирийской армии (в начале сентября 2013 г. после химической атаки 21 августа в пригороде Дамаска) и последующий разворот «химического кризиса» в мирное русло – под давлением России [4].

Заметим, что взаимные обиды и противоречия проявлялись в отношениях между США и их суннитскими партнёрами и раньше (например, между Вашингтоном и Эр-Риядом после терактов 11 сентября 2001 г., а ещё раньше – из-за поддержки Соединёнными Штатами Израиля). Особенность нынешних разногласий определяется не только эффектом накопления прежних (во многом преодоленных) расхождений, но масштабом и остротой сегодняшнего предмета – сирийского кризиса, под воздействием которого формируется политический ландшафт региона на длительное время, складывается баланс сил между суннитским и шиитским страновыми блоками. Кроме того, и суннитские элиты, и Израиль настораживает формирующаяся «миролюбивая линия» поведения администрации Обамы с новым иранским президентом Хасаном Роухани. Они опасаются, что искусной дипломатией Тегерану удастся ввести в заблуждение Вашингтон и в конечном счёте поставить регион и мир перед фактом обладания ядерным оружием.

В итоге суннитские элиты склонны ощущать себя лишёнными американского покровительства, покинутыми и, как результат, разочарованными политикой администрации Обамы. Во многом это относится и к израильскому истеблишменту. Но при этом и арабы, и израильтяне сознают отсутствие альтернативы Соединённым Штатам в качестве основного международного партнёра и протектора их интересов в Совете Безопасности ООН.

Этими обстоятельствами объясняется корректировка вектора лоббистской деятельности в Вашингтоне. Если раньше главной задачей арабских (в основном саудовских) лоббистов было противодействие аналогичным израильским структурам в Конгрессе США и в медиа-пространстве, то теперь, как ни парадоксально, эти два сообщества меньше работают друг против друга. Более того, во многом в своих усилиях по критике администрации Обамы – главным образом в подходе к проблеме Ирана, они совпадают.

Ослабление политического влияния внешних факторов (за пределами зоны сирийского конфликта)

События последнего времени обнаруживают тенденцию к сокращению политического влияния внешних факторов (Евросоюза, России и Китая), которое *компенсируется усилением роли региональных центров силы*, в частности Саудовской Аравии и Катара. Заметно *интенсифицируется межрегиональная система общения в рамках вышеупомянутых суннитского и шиитского блоков* (Ирак остаётся на стыке этих двух сообществ). К этому эффекту привели несколько событий. Во-первых, появление новых правящих элит в странах «арабской весны», которые во многом под влиянием умеренных исламистских групп предпочитают ориентироваться в большей степени на арабское сообщество. Во-вторых, осуществлённый вывод войск США из Ирака и начатый из Афганистана, что побуждает правящие группы там для обеспечения стабильности искать новую опору, и это прежде всего региональные союзники. В-третьих, углубление сирийского кризиса, ставшего мощным фактором консолидации внутри соответствующих суннитских и шиитских общин.

Сирийский кризис и нарастание противостояния двух региональных блоков делают оборонную сферу предметом повышенной заботы и внимания правящих элит. Вместе с тем, в обозначенном контексте интенсификации регионального (внутрисекторального) общения эта сфера проявляет *тенденцию к интернационализации* в том смысле, что частично суннитские «гранды» (равно как и Иран) берут на себя ответственность за поддержание требуемого уровня обороноспособности своих союзников. С этой целью они проявляют готовность финансировать часть закупаемых их менее состоятельными союзниками вооружений и военной техники. В случае с Бахрейном в момент обострения подогреваемой Ираном внутривнутриполитической напряжённости в это государство были введены войска из соседних арабских монархий на основании Договора о коллективной обороне в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (Саудовской Аравии, Кувейта, Омана, Катара, ОАЭ и Бахрейна).

Особенности подхода США к сирийскому кризису

Американский подход к сирийскому конфликту во многом определяется двумя факторами: а) сохраняющимся видением «арабской весны» в целом как стремления масс избавиться от тирании авторитарных и диктаторских правителей; б) стратегической оценкой проблем региона, в иерархии которых преобладает задача противостояния Ирану. В основе сирийского конфликта, по мнению Вашингтона, лежит массовое протестное движение части населения этой страны против «тиранического правления семьи Асадов», за расширение гражданских свобод. Будучи жестоко подавленным властями в самом начале, это движение трансформировалось в вооружённое восстание. По мере эскалации вооружённого противостояния оппозиции и режима к восставшим присоединились боевые группировки в основном исламистской (суннитской) ориентации. То же самое произошло и на стороне правительства Асада – на помощь ему и правящей группе алавитов (секта, ассоциируемая в ос-

новном с шиизмом) прибыли батальоны шиитских экстремистов «Хизбаллы» из Ливана, а также военизированные группы поддержки из Ирана. Тем самым произошло наложение религиозной составляющей на базовое внутригражданское противостояние. Под его воздействием, а также на фоне интенсификации боевых действий, ускорился процесс радикализации части повстанческих сил. В конечном счёте это усложнило структуру противоборствующих сил, но не изменило, с точки зрения Вашингтона, природу самого конфликта.

Администрация Обамы сформулировала свою позицию так: Башар Асад должен уйти, открыв тем самым путь для внутригражданского примирения с помощью политических механизмов согласования интересов противоборствующих сторон. Эта базовая позиция Вашингтона была «подкреплена» двумя важнейшими факторами. *Первый* – жёстко антиасадовский настрой ближайших союзников США в арабском сегменте Ближнего Востока (арабских монархий Персидского залива, Египта при президенте Мухаммеде Мурси, а также в целом Лиги арабских государств). *Второй* – быстрая эскалация конфликта за счёт внешнего вмешательства привела к «выплёскиванию» его за пределы Сирии, что угрожает стабильности в Ливане, Иордании, а также отчасти Турции и Ирака. Возросли риски и для Израиля. В результате сочетание базовой позиции Вашингтона с действием двух упомянутых факторов обусловило повышенную активность США на сирийском направлении. Эта активность на протяжении последнего года в основном фокусировалась на задаче предотвращения распространения конфликта на соседние страны. Одновременно предпринимались усилия по формированию дееспособного политического руководства в рядах оппозиции и дистанцированию умеренной части оппозиции от радикальных группировок, некоторые из которых связаны с «Аль-Каидой». Важным элементом в этом плане было и участие американских инструкторов в подготовке отдельных подразделений повстанцев в лагерях на территории Иордании и Турции.

Весной – летом 2013 г. сирийская повестка Вашингтона дополнилась задачей усиления гуманитарной помощи оппозиции и мирному населению Сирии, а также согласованным с союзниками решением начать поставки «нелетальных видов вооружения» оппозиции с целью «восстановления нарушенного баланса сил на поле боя» [5]. Принятое весной в рамках «Группы друзей сирийского народа» решение о начале поставок оружия оппозиции, Вашингтон не спешил реализовывать, сделав упор на задачу чётко отделить умеренные группы повстанцев, которые следует вооружать, от радикалов [6]. Формальная позиция Вашингтона и его союзников в этом вопросе опиралась на аргумент, согласно которому политико-дипломатический процесс (в частности, в рамках Женевских договорённостей 2012 г.) не может быть возобновлён без восстановления нарушенного (в пользу правительства) баланса на поле боя.

Администрация Обамы под огнём критики

В целом политику Вашингтона в отношении сирийского кризиса следует, на наш взгляд, подразделять на два основных этапа – до 21 августа и после неё. В течение периода «до 21 августа» администрация Обамы всячески стремилась избегать излишней вовлечённости в конфликт, предпочитая

«гасить в дискуссиях» практически все вопросы, связанные с направлением, использованием (размещением) американской военной техники. Показательно, что для защиты территории Турции от сирийской авиации туда были направлены расчёты ЗРК *Patriot* из Германии. Вопрос об установлении «зоны, свободной от полётов сирийской авиации» был спущен на тормозах под предлогом «блокирования решения СБ ООН Россией и Китаем». Попытки союзников США и части политического истеблишмента в Вашингтоне обратить внимание Белого дома на факты ограниченного применения химоружия весной – летом 2013 г. не возымели действия – под различными предложениями администрация Обамы уклонялась от риска оказаться излишне вовлечённой в конфликт. Результатом такой линии администрации стало усиление её критики как среди союзников США в регионе (арабские монархии, Израиль, Турция), так и со стороны части политического истеблишмента в самом Вашингтоне, причём не только среди республиканцев, но и части демократов. Администрацию Обамы упрекали в утрате лидерства, в проявлениях слабости, непоследовательности, в отсутствии стратегии и чёткого осознания реалий.

При всём накале критики в адрес политики администрации по отношению к Сирии со стороны оппонентов практически не звучали призывы к вмешательству во внутренний конфликт в этой стране, в целом они поддерживали оформившуюся к началу лета 2013 г. линию Белого дома на вооружение оппозиции, которая начала терпеть поражение под натиском правительственных войск. Намерение Обамы нанести удары возмездия по сирийской армии «после 21 августа» выглядело как *более воинственный и радикальный шаг*, чем даже то, что от него требовало большинство оппонентов. Отчасти поэтому военный план Обамы вполне мог быть заблокирован нижней палатой Конгресса США.

При том, что критики Обамы на протяжении всего сирийского кризиса в основном фокусировали внимание на нерешительном и непоследовательном поведении президента, конкретные варианты действий предлагали немногие, среди которых отличался «дуэт» сенаторов-республиканцев Джона Маккейна и Линдси Грэма. Посетив в мае – июне лагеря сирийских беженцев в самой Сирии, а также в Иордании и Турции, они выступили с совместным заявлением, в котором впервые назвали линию Обамы на вооружение оппозиции «недостаточной». Они призвали администрацию нанести ракетные удары по сирийской армии, создать «зоны безопасности», учредить «временное правительство Сирии» из числа повстанцев [7]. *Тем самым в начале июня 2013 г. впервые на политическом уровне в Вашингтоне была сформулирована альтернативная Белому дому стратегия действий США в отношении Сирии.* Судя по опросам, она не пользовалась поддержкой большей части американцев, равно как и в Конгрессе [8]. Ситуация принципиально изменилась «после 21 августа», когда, по данным американской разведки, правительственные силы применили химоружие против повстанцев и мирного населения в пригороде Дамаска. Масштаб поражения и число жертв уже не позволяли Баракку Обаме закрывать глаза на факт применения химоружия, как это было весной 2013 г. Он публично заявил, что «Асад пересёк «красную линию» и должен быть «наказан». В отсутствии существенной поддержки на уровне общественного мнения и среди значительной части конгрессменов в виде готовности к военному вмешательству в Сирии Обама пред-

принял политический манёвр: 1 сентября он встретился с сенаторами Маккейном и Грэмом и обсудил с ними варианты действий. Смысл манёвра, судя по всему, сводился не только к символическому жесту в адрес оппонентов-республиканцев в Конгрессе, он должен был продемонстрировать согражданам наличие «более радикальной позиции» в отношении Сирии, чем та, которую занимал в тот момент сам Обама, заявивший об «ограниченных ударах назидательного характера для Асада», о «полном исключении вариантов вовлечения американских солдат на территории Сирии». Этот манёвр Обамы не принёс ожидаемого результата – оба сенатора-республиканца, поддержав намерение президента, тем не менее подчеркнули недостаточность и неэффективность варианта «ограниченных ударов» для реализации полноценной стратегии США в Сирии [9]. Попытка Обамы выглядеть «умеренным» на фоне Маккейна и Грэма обернулась новыми упреками в его адрес в нерешительности и половинчатости, как это было и раньше.

В результате, обратившись за поддержкой в Конгресс, Обама оказался в весьма уязвимом положении между двумя полюсами критики особенно в Палате представителей, где преобладают республиканцы. Проведённое в сентябре голосование в Сенате и намечавшееся вскоре после этого в Палате представителей продемонстрировало размежевание не столько по партийной линии, сколько по линии «нежелающих ввязываться в новую войну на Ближнем Востоке» и сторонников более решительных действий в стиле Маккейна – Грэма. Аргументы первых ориентировались на «усталость» американского общества от ближневосточных войн и т.д., а аргументы вторых во многом сводились к необходимости «возрождения лидирующей роли США в регионе и в мире», престижа США в регионе, ущерб которому якобы нанесён невнятной политикой администрации Обамы. Численное соотношение условных «пацифистов» и «сторонников ракетных ударов» постоянно менялось, но в самом «военном лагере» конгрессменов всё отчётливее формировались две группы – приверженцев планов Обамы (ограниченных ударов) и критиков подобных шагов за их ограниченность и неэффективность.

Показательно, что весьма сильная и в значительной степени неожиданная критика обрушилась на Барака Обаму со стороны недавних сотрудников его администрации – в частности, бывших министров обороны Леона Панетты и Роберта Гейтса. По-разному оценивая эффективность военного плана Обамы, они, тем не менее, резко критиковали бывшего шефа за сам факт обращения за одобрением Конгресса, несмотря на имеющиеся у президента конституционные полномочия [10].

В этих условиях появившаяся (сначала вкратце обсуждённая на саммите в Санкт-Петербурге, а затем и оглашённая публично) в начале сентября инициатива российской стороны, направленная на ликвидацию запасов химоружия в Сирии, стала во многом оптимальной для Обамы в контексте нараставшей в Вашингтоне критики его линии в отношении Сирии. Она позволила Белому дому переключить внимание общественности и конгрессменов с положения на поле боя в Сирии на проблему ликвидации химоружия. Ценой за временное снятие проблем по сирийскому вопросу в отношениях с Конгрессом стала для Обамы резко усилившаяся критика со стороны арабских монархий

и сирийской оппозиции [11]. Приглушить её Белый дом попытался обещаниями активизации поставок нелетального оружия и военной техники умеренным группировкам сирийской оппозиции [12]. Впрочем, и это решение не стало для Обамы безболезненным: критики из правого лагеря обрушились на администрацию за то, что она пытается воспрепятствовать свободной продаже оружия в самой Америке, но при этом поставляет это же оружие повстанцам в Сирии, где оно может попасть даже в руки сторонников «Аль-Каиды» [13].

На существенном расширении поставок оружия оппозиции настаивали в Вашингтоне и основные «мозговые центры», включая и оппозиционные администрации Обамы. В этом шаге они видели единственно возможный инструмент удержания роли и влияния США в элитах арабских монархий Залива и среди сирийской оппозиции. Более того, в этом ряд аналитиков усматривал также инструмент восстановления координации между США и их европейскими союзниками (Францией и Великобританией), которая якобы была утрачена в результате «неожиданного сдвига Вашингтона в сторону взаимодействия с Москвой в области химического разоружения Асада» [14].

При том, что «сделка с Россией по химическому оружию в Сирии» позволила Обаме преодолеть обозначившийся тупик его отношений с Конгрессом по данному вопросу, накал критики администрации «по Сирии» не только сохранился, но и получил дополнительный импульс в связи с попытками Белого дома применить эту схему разоружения и к Ирану. В стратегическом аспекте «химическая сделка», полагают критики Обамы, работает на Асада, а Белый дом попадает в «мягкую ловушку миротворчества». Аналогичную «ловушку», утверждают критики администрации, расставляет для США и новый президент Ирана Хасан Роухани заявлениями о своей готовности обсудить с «шестёркой» все аспекты ядерной программы и разрешить проблему в ближайшие месяцы. Оппоненты Обамы упрекают его в излишне поспешной и позитивной реакции на «сладкие речи» Роухани [15].

Показательно, что уже в ходе 68-й сессии Генассамблеи ООН тема Сирии оказалась на втором плане внимания американского истеблишмента и прессы, т.е. по сути как тема вторичная по сравнению с проблематикой Ирана. Это произошло не только из-за мирных инициатив Роухани, но и жёсткого оппортунистического поведения им со стороны премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху. Между ними разворачивалась «борьба за администрацию Обамы», за общественное мнение в США. Мобилизуя все возможные рычаги произраильского лобби, Нетаньяху стремился убедить Белый дом не «поддаваться мягким и лживым уговорам» Тегерана, не ослаблять силовое давление на Иран до тех пор, пока не появятся признаки реального прогресса в движении иранского руководства навстречу мировому сообществу. В качестве аргумента Нетаньяху заявил о готовности Израиля в случае необходимости «в одиночку атаковать ядерные объекты Ирана» [16].

Своё же выступление на Генассамблее ООН, посвящённое главным образом проблемам Ближнего Востока, Барак Обама по сути превратил в демонстрацию миролюбия. В нём он выдержал все основные параметры подхода своей администрации, а также и своих оппонентов (временной фактор и силовое давление), подчеркнув необходимость поиска политического решения кон-

фликта, которому должна содействовать договорённость по химоружию. Неизменной, следует из речи, остаётся и цель администрации – «переход власти от режима Башара Асада», недопущение коллапса государственных институтов в Сирии, учёт жизненных интересов всех меньшинств в стране, включая и алавитов [17]. Пользу «сирийской модели урегулирования» для Ирана он видит в готовности сторон к переговорам, но отдаёт должное и необходимости сохранения фактора силового давления, которое, по его мнению, сработало в Сирии, а также призвано сработать (в виде сохранения санкций) и в отношении ядерной проблемы Ирана.

Выводы

Договорённости с Россией по ликвидации химоружия в Сирии и открывающиеся перспективы переговоров с новым руководством Ирана – серьёзное испытание для ближневосточной политики Вашингтона в целом. Администрация Обамы подвергается существенной критике как со стороны своих союзников в регионе, так и со стороны своих оппонентов в Вашингтоне. Заявленное администрацией намерение применить «сирийскую модель» (ликвидации ОМП посредством переговоров, но при сохранении силового давления на Дамаск) к проблеме Ирана вызывает неприятие среди практически всех союзников США на Ближнем Востоке. Для восстановления прежнего уровня доверия со стороны региональных союзников администрация Обамы по сути обречена на демонстрацию как минимум жёсткой риторики в отношении Дамаска и Тегерана. Сложность ситуации для Обамы уже в том, что в отдельных случаях «красные линии» для применения внешней силы устанавливает не сам Вашингтон, как это было в случае с химоружием, а его союзники в регионе. Это означает, что повторное бездействие США в случае нового применения химоружия в Сирии чревато для Обамы настоящим кризисом в отношениях прежде всего с арабскими монархиями Залива. В отношении же Ирана ситуация выглядит ещё тревожнее: в случае предельного приближения Тегерана к производству ядерного оружия Израиль (при весьма вероятной поддержке арабских монархий) может де-факто способствовать вовлечённости США в боевые действия против Ирана.

Чтобы как-то снизить «опасный уровень активности» своих союзников в регионе, Вашингтон, судя по всему, будет стараться восстановить уровень доверия к себе с их стороны посредством наращивания усилий и мер по обеспечению гарантий их безопасности в сложившихся условиях.

Список литературы

1. Выступление премьер-министра Израиля Биньямина Нетаниягу на 68 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. МИД Израиля. 01.10.2013 (<http://mfa.gov.il/MFARUS/PressRoom/2013/Pages/PM-Netanyahu-speech-UNGA-Oct-1-2013.aspx>).
2. ИноТВ. 23.01.2013 (<http://inotv.rt.com/2013-08-01/Al-Mayadeen-Saudovskij-princ-ne>); МИД РФ. Официальный сайт. 01.08.2013 (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/58957D0254631EE444257BBA0053857F).

3. Майкл Орен: «Израиль заинтересован в свержении Асада» // 9 канал. 17.09.2013 (<http://9tv.co.il/news/2013/09/17/158916.html>).
4. Обама ждёт от оппозиционных сенаторов поддержку военной операции в Сирии // Голос России. 02.09.2013 (http://rus.ruvr.ru/news/2013_09_02/Obama-zhdet-ot-oppozitsionnih-senatorov-podderzhku-voennoj-operacii-v-Sirii-2394/).
5. *Bolton J.* How Rouhani Is Playing Obama // AEI. 29.09.2013 (<http://www.aei.org/article/foreign-and-defense-policy/how-rouhani-is-playing-obama/>).
6. *DeYoung K.* Kerry Says U.S. Will Expedite New Aid to Syrian Opposition // The Washington Post. April 21, 2013.
7. *Kitfield J.* Syrian Rebels Are Rejecting U.S. Strategy // Defense One. 30.09.2013 (<http://www.defenseone.com/threats/2013/09/syrian-rebels-rejecting-us-strategy/71030/?oref=d-skybox>).
8. *Miller G., Londoco E.* U.S. Weapons Reaching Syrian Rebels // The Washington Post. 12.09.2013.
9. Obama Arms Syrian Rebels while Attacking American Gun Ownership // The Washington Times. 13.09.2013.
10. *Pollock D.* After CW Deal, U.S. Must Keep Its Pledge to Aid the Syrian Opposition. The Washington Institute for Near East Policy. Fikra Forum, 19.09.2013 (<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/after-cw-deal-u.s.-must-keep-its-pledge-to-aid-the-syrian-opposition>).
11. Polls Show Opposition to U.S. Military Involvement in Syria // Huffington Post (http://www.huffingtonpost.com/2013/06/14/syria-polls_n_3443741.html).
12. Prince Turki Al Faisal / Exercising Its Role in World Affairs // AUSPC2013 (<http://ncusar.org/programs/13-transcripts/2013-10-22-hrh-prince-turki-keynote.pdf>).
13. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly. The White House (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly>).
14. Remarks by Senator John McCain at the Brookings Institution on U.S. Policy in Syria and the Broader Middle East. U.S. Senate. June 6, 2013 (http://www.mccain.senate.gov/public/index.cfm?FuseAction=PressOffice.Speeches&ContentRecord_id=1ad6cfa7-d60b-3429-4c05-05f255ffbad2&Region_id=&Issue_id Ross D).
15. Is Syria Finished? // The Mark News. 15.07.2013.
16. *Shanker T., D'Avolio L.* Former Defense Secretaries Criticize Obama in Syria // The New York Times. 18.09.2013.
17. The Necessity for an Arab Strategy to Counter Obama's Backtracking // Al Hayat. 22.09.2013.